

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РИТОРИКИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Рассматриваемая проблема места риторики в системе гуманитарного знания на сегодняшний день является одной из наиболее актуальных. От ее решения во многом зависит вектор дальнейших исследований по риторике и разработка концепций ее преподавания. В статье обосновывается статус риторики как лингвокультурологической дисциплины.

О сложности данного вопроса можно получить представление, если сопоставить мнения исследователей, для которых риторика – объект профессионального интереса. Известный лингвист М.Н. Кожина, определяя риторику как «теорию и практику достижения оптимизации речевого общения, повышения его эффективности посредством целесообразного использования лингвистических средств создания речи, коммуникативно адекватной целевой установке, а также экстралингвистических – психологических, социокультурных и других – факторов» [6, с. 26], пишет о том, что «риторика является одной из речеведческих дисциплин (при всей ее методологической значимости для построения ораторской речи и признаках интегральности), но не общим для всех этих дисциплин направлением исследования» [там же]. Е.А. Юнина, область научных интересов которой – философия, полагает, что риторика – это философско-культурологическая дисциплина. Исследовательница настаивает на необходимости «выйти за пределы узкой логико-лингвистической парадигмы риторики, затронуть вопросы метариторического плана, связанные с «переводом» риторики в поле культуры, с обоснованием самого понятия «риторическая культура», настаивает на том, что такой подход к осмыслению риторики «нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании» [9, с. 5].

Аргументы, приводимые в защиту каждой из точек зрения, достаточно весомые, но все же, думается, в них не схватывается вся специфика риторики. Мы выдвигаем тезис, согласно которому риторика – лингвокультурологическая дисциплина. Цель данной статьи – обоснование этого тезиса.

Методология движения к цели задана содержанием основного суждения: от анализа места риторики в кругу лингвистических дисциплин к анализу ее философско-культурологического статуса.

Анализ современных подходов к вопросу о месте риторики в речеведении, т. е. в кругу

дисциплин коммуникативно ориентированной лингвистики (в работах Н.И. Формановской, И.Я. Чернухиной, Е.А. Юниной, Е.В. Ключева, Ю.В. Рождественского, О.Б. Сиротининой и др.), обнаруживает весьма широкий спектр мнений. Эта широта в значительной степени может быть объяснена отсутствием общепризнанного понимания термина «риторика» и ее (риторики) предмета. В качестве других причин могут быть названы традиционная дискуссионность дефинирования составляющих триады *язык – речь – речевая деятельность*, базовых для понимания предметности риторики.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи дать хотя бы беглый обзор подходов исследователей к данному вопросу, ограничимся изложением той позиции, которая представляется наиболее аргументированной, обоснованной и которую мы разделяем. Это позиция И.А. Зимней. Подчеркивая тесную связь между явлениями языка и речи (или языковой компетенции и реализации), она полагает, что они определяются характеристиками, которые дополняют друг друга в нескончаемом круговороте вербального (языкового и речевого) мышления, представляя в то же время язык и речь как неоднозначные явления. В концепции этого автора двучлен «язык – речь» рассматривается как средство и способ реализации речевой деятельности индивида. «Соответственно, **язык** рассматривается как *средство*, а **речь** как *способ формирования и формулирования мысли* посредством языка в процессе речевой деятельности индивида» [2, с. 35]. Сама речевая деятельность понимается данным автором как «*целенаправленный, мотивированный, активный процесс приема и (или) выдачи сообщения, организованного социально отработанными средствами (язык) и способом (речь) формирования и формулирования мысли в общении людей друг с другом*» [там же].

Предпочтительность этой трактовки понятия *речевая деятельность* видится в том, что,

во-первых, здесь четко просматриваются взаимосвязи между понятиями язык – речь – речевая деятельность; во-вторых, из определения явствует, что автор, признавая нетождественность языка и мысли, тем не менее признает и наличие *речевого мышления* (на значимости этого момента настаивают многие исследователи), ибо для нее речь – «способ формирования и формулирования мысли».

Есть веские основания понятие *речевая деятельность*, трактуемое именно таким образом, считать базовым для всех дисциплин коммуникативного блока. Для риторики же равно необходимы как родовое понятие *речевая деятельность*, отражающее ее принадлежность к «гнезду» коммуникативных дисциплин, так и видовое понятие *речемышлительная деятельность*, отражающее ее специфику в ряду этих дисциплин (изучение текста на разных этапах его существования: текстопорождение как процесс, текст/дискурс¹ как продукт). Ясно, что замысливание (изобретение) речевого поступка, разработка стратегии, тактики речевого воздействия фокусируют внимание в *большой* степени на рефлексивных аспектах текстопорождения, хотя языковые аспекты выходят на первый план в *свою* очередь (на этапе словесного выражения, если рассматривать порождение текста как процесс, а также при анализе риторического текста как продукта).

В русле такой логики можно актуализировать *родовые и видовые доминанты* риторики как речеведческой дисциплины.

К числу *родовых* отнесем следующие:

1) речевая деятельность возникает и осуществляется между двумя полюсами «адресант – адресат»;

2) в риторике, как одной из речеведческих дисциплин, исследуется не только речь/текст как линейный процесс и продукт деятельности одного субъекта, но и «интеракция как объемные коммуникативные взаимодействия по крайней мере двоих» [8, с. 17];

3) риторика как одна из речеведческих дисциплин изучает и определенный набор характерных языковых средств (статика), и их функционирование (динамика).

Тогда как *видовые доминанты* предстанут следующие:

1) основные объекты изучения риторики – речевая ситуация, дискурс и отношение между ними. Именно это отношение фокусирует внимание на том аспекте риторики, который, по мнению некоторых исследователей (например, О.Б. Сиротининой), является ее объектом: «как *лучше добиться мастерства речи*» [7, с. 52];

2) риторика изучает текст/дискурс на разных этапах его существования, т. е. не только как *результат* речемышлительной деятельности, но и как *процесс* (*изобретение – расположение – словесное выражение*);

3) риторика изучает языковые средства с точки зрения *как лучше сказать*, т. е. с точки зрения *оптимизации* общения [6, с. 25];

4) соединяя статический и динамический аспекты как родовую черту, современная риторика тяготеет к изучению функционирования языковых средств в коммуникации, что обуславливает еще одну видовую особенность – риторическую *рефлексию*, которая направлена на:

– экспликацию способов порождения текстов/дискурсов;

– выявление степени их адекватности речевой ситуации;

– выявление традиционного и новаторского (стереотипного и творческого), а также другие аспекты текстопорождения и текста/дискурса.

Риторическая рефлексия предполагает *фиксацию* факта речемышлительной деятельности, его *оценку, обоснование* оценки.

Здесь необходимо сделать несколько существенных оговорок.

Во-первых, рассматривая риторику как современную речеведческую дисциплину, мы помним о том, что ее филологическая история исчисляется более чем двумя тысячелетиями: лингвистическая природа риторики фиксировалась еще в трудах Аристотеля и Квинтилиана.

Во-вторых, мы сознательно не рассматриваем филологическую природу риторики в литературоведческом ракурсе, хотя помним, что «неориторика сложилась первоначально как попытка применения лингвистических и семиотических методов к анализу художественного текста с целью построения теоретической «поэтики». По крайней мере, такова была первоначальная установка Р. Барта, Ц. Годорова, Ж.

¹ Понятие текст/дискурс удобно тем, что одновременно подходит как для обозначения письменной фиксации дискурса, так и дискурса в собственном смысле слова, т. е. «звучащего слова, живой речи, произносимой в процессе развертывания речевого события и сопровождающейся жестово-мимическим (и пространственным поведением)» [5, с.46-47].

Кэна» [4, с. 8], потому что, хотя риторические исследования и проводились на материале художественных произведений, они реально привели к описанию универсальных текстовых механизмов, которые «только в некоторых прагматических ситуациях приводят к возникновению эстетического эффекта» [там же].

В-третьих, мы намеренно не включаем в аргументацию анализ взаимосвязей риторики с другими речеведческими дисциплинами (такими, как функциональная стилистика, культура речи, прагмалингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, культуроведение (лингвострановедение), теория речевого этикета, лингвистика текста). Между тем этот анализ имплицировал тот набор родовых и видовых доминант риторики, о котором только что шла речь.

Если принять точку зрения Е.А. Юниной, согласно которой риторика – философско-культурологическая дисциплина, то лингвистический статус этой дисциплины, ее «законное» место в речеведении «уходят на вторые роли», а вместе с этим исчезает возможность использовать лингвистический инструментарий для изучения универсальных закономерностей текстопорождения и, как следствие, исчезает технологическая база в риторическом обучении. Кажется бы, побеждает точка зрения М.Н. Кожиной. Сильные стороны ее очевидны, и наш анализ родовых и видовых доминант риторики как одной из речеведческих дисциплин фактически подкрепляет эту позицию. Однако если принять ее безоговорочно, будет крайне трудно найти ответы на следующие вопросы: как корректно, оставаясь в рамках лингвистики, описать тот теоретический базис, который еще древними определялся как Логос, Этос, Пафос и без которого невозможно представить себе современную риторику? Как, оставаясь только в рамках коммуникативно ориентированной лингвистики, разрабатывать учение о риторическом идеале, которое позволяет осознать значимость риторики в культуре, как типологизировать аргументы, «взвешивать» их силу и т. п. вопросы. Настойчиво напрашивается идея рассмотреть риторику и под философско-культурологическим углом зрения.

Связь риторики и философии, их укорененность в культуре исчисляются не одним тысячелетием. Анализ их взаимосвязи, а также анализ взаимосвязи риторики с дисциплинами философско-культурологического «гнезда» (философской герменевтикой, философией экзистенциализма, теорией деятельности, философией культуры, философской, социальной, психологической антропологией, теорией «социального действия», эстетикой, логикой, этикой, социологией и т. п.) с необходимостью заставляет нас солидаризироваться с выводами ученых, которые полагают, что такой подход к риторике, во-первых, чрезвычайно актуален, «помогает восстановить в современном социуме отношение к ней как величайшей ценности, ориентированной на духовное совершенствование человека в новых, изменившихся условиях его бытия» [9, с. 22], во-вторых, позволяет осознать, что риторика, «возводя в норму всю систему речевых средств, выступает своеобразной философской теорией речевого взаимодействия. С одной стороны, она является средством организации совместной деятельности, диалога, с другой – источником активности личности, побудительным стимулом к сопоставлению своего внутреннего мира с позицией реальных или воображаемых собеседников. В процессе общения человек адаптируется, социализируется, накапливает знания, вырабатывает свои убеждения и идеалы, становится личностью» [3, с. 9].

Оставляя за рамками данной статьи детали анализа взаимосвязи риторики с дисциплинами философско-культурологического направления, а также анализ понятийно-категориальной триады «коммуникация – общение – диалог», пограничной для интересующих нас областей знания, отметим, что именно эта аналитика имплицировала тот «набор» **родовых** доминант, которые позволяют рассматривать риторику как одну из дисциплин философско-культурологического плана, и **видовых** доминант, позволяющих увидеть ее специфику уже в этом «ключе».

Родовые доминанты:

1. Риторика как область научного знания и как учебная дисциплина наряду с философией репрезентирует феномен некогда единой мыслительно-словесной культуры.
2. Наряду с философией риторику в содержательном плане «интересует» та область сознания общающихся субъектов, которая связана с их ценностными ориентациями, с их мировоззрением (это мировоззренческая область знания).
3. Основные методы познания в риторике – рефлексия, диалектика, аргументация; основные способы познания – аналитическое сужде-

ние, дискуссия, спор; неизбежным продуктом рефлексивности как имманентной черты, «роднящей» риторику и философию, является критичность (критический характер) мыслительной деятельности, детерминирующая тотальную аналитику.

4. В риторической аргументации, как и в аргументации философской, значимым оказывается интерес одновременно и к логическим (рациональным), и к психологическим (иррациональным) основаниям.

5. Как и философию, риторику всегда интересовали проблемы понимания, поэтому естественно говорить не только о философской, но и о риторической герменевтике как важной, значимой теории в русле риторического знания.

Видовые атрибутивные характеристики:

1. Будучи наряду с философией репрезентантом некогда единой мыслительно-словесной культуры, риторика может быть осмыслена не только как мыслительно-словесная культура, но, по определению О.И. Марченко, как «гуманитарная культура в целом в ее речевой разновидности», т. е. о риторике можно, вслед за С.С. Аверинцевым, говорить как о «вечной, вновь и вновь воплощающейся универсалии» в культуре.

2. Содержание и форма риторического дискурса детерминируются напряженным и противоречивым бытием трех начал: логического (рационального), этического (нравственного) и эстетического (формально-экспрессивного), т. е. Логосом, Этосом и Пафосом.

3. Риторическая рефлексия специфична и отличается от философской тем, что в философии мысль познающего субъекта обращена на себя самое, в риторике же – не только на продукт речевой деятельности (текст/дискурс), но и на способы его «производства», коммуникативной презентации и интерпретации в соотношении с укорененными в культуре нормами и речевым идеалом этноса. В этом случае когнитивные аспекты речемыслительной деятельности приобретают самостоятельную значимость.

4. Риторическая теория понимания строится на ином способе толкования смысла, чем философская герменевтика. Если в последней интерпретация представляет собой законченный вторичный текст, то риторику интересуют возможные (вероятные) интерпретативные конструкции и процесс их моделирования.

Исходя из всего сказанного, трудно не согласиться с О.И. Марченко, которая полагает,

что «риторика объединяет в себе философское, логическое, лингвистическое, психологическое, социологическое знание, создавая некое обширное и богатое по своему потенциалу «культурное единство». Эта многомерная дополнительность не хаотична. Это не просто соседство различных плоскостей. Риторика не может рассматривать «мышление», «язык», «психику», «общественное» как застывшие системы, взятые в абстракции от реальной речевой деятельности. Она нацеливает на «идеальную» форму *взаимодействия* этих составляющих, задает подвижный культурный стандарт речевых взаимоотношений» [3, с. 24].

Соглашаясь с данной констатацией, не можем, однако, не заметить высокую степень обобщенности ее содержания, что мешает внести определенную степень ясности в интересующий нас вопрос о месте риторики в гуманитарном знании. Для этого необходима еще одна «промежуточная» операция – осознание методологической потенции риторики.

О высокой степени «напряжения» исследовательской мысли относительно данной проблемы можно судить по двум высказываниям: одно, уже цитировавшееся в начале статьи, принадлежит М.Н. Кожиной (мы возвращаемся к нему под другим углом зрения), другое – философу В. Мейзерскому. Рассмотрим их в сопоставлении.

В. Мейзерский

«Современная риторика является принципиально новой дисциплиной или, точнее, направлением научного поиска, реализуемого группой дисциплин гуманитарного цикла» [4, с. 48].

М.Н. Кожина

«Риторика является одной из речеведческих дисциплин (при всей ее методологической значимости для построения ораторской речи и признаках интегральности), но не общим для всех этих дисциплин направлением исследования» [6, с. 26].

Сопоставительный анализ мнений двух авторитетных ученых заставляет задуматься прежде всего над гносеологическим статусом риторики: она – дисциплина или направление научного поиска? Если для В. Мейзерского это новое направление научного поиска, которое «задается» риторикой и реализуется группой дисциплин гуманитарного цикла, то М.Н. Ко-

жина придерживается противоположной точки зрения.

Получается, что как дисциплина современная риторика занимает достойное место в ряду речеведческих «собратьев» и обладает спецификой, которая позволяет ей не «слиться» с подобными, близкими, родственными (см. родовые и видовые черты риторики в русле лингвистического подхода). Однако близость к философии, феноменологическая природа и укорененность в культуре позволяют говорить о ней и как о направлении научного поиска. Какие аргументы можно привести в защиту этого положения?

Общеизвестно, что философия генерирует идеологию различных областей человеческой деятельности, в том числе и деятельности познавательной. Риторика, которая, по определению О.И. Марченко, выступает как «своеобразная философская теория речевого взаимодействия», предопределяет вектор исследовательского поиска в сфере речевого взаимодействия.

Риторика предстает одновременно двухуровневым феноменом: как определенная область коммуникативных знаний, обеспечивающая оптимальные языковые средства (способы) для организации совместной деятельности (лингвистический уровень), и как философская теория речевого взаимодействия (философско-культурологический уровень). Это уровни взаимозависимые, взаимообусловленные, иерархически организованные. Уровень «философской теории речевого взаимодействия» одновременно аксиологичен и идеологичен, именно здесь генерируются идеи, организуется «запрос» на определенный тип коммуникативного знания.

Риторика, понимаемая как направление научного поиска, открывает широкое исследовательское поле. В. Мейзерский, например, видит в риторике потенциальные возможности для эксперимента, реализуемого на знаковых моделях культуры. Он, в частности, полагает, что «современная риторика в значительной мере превращается в антропологическую дисциплину, – аналогично тому, как текст, выявляющий множественность своих смыслов, оказывается, по мнению Р. Барта, уже не «историческим», а «антропологическим» явлением»; что «одним из перспективных направлений риторического анализа может быть создание «этнориторики», способной внести определенный

вклад в изучение процессов речевого мышления, в частности, специфики его функционирования в условиях межкультурных контактов»; что «применение неориторических методов к анализу культуры могло бы существенно расширить область антропологического эксперимента и модифицировать сам статус гуманитарного знания» [4, с. 124].

Таким образом, анализ связей риторики с другими областями гуманитарного знания приводит нас к следующим выводам:

1. Специфика риторики как области знания состоит в том, что это *лингвокультурологическая дисциплина* (двухуровневая структура). Философско-культурологический уровень выступает в качестве генератора идей для лингвистического и обуславливает вектор исследовательского поиска в сфере речевого взаимодействия. Поэтому риторика одновременно является и научной (учебной) дисциплиной, и направлением научного поиска в области своей компетенции.

О том, что это продуктивное направление научного поиска, которое может синтезировать новые срезы филологического знания (особенно на стыке наук), можно судить по относительно новому, но интенсивно развивающемуся направлению – лингвориторической парадигме исследований. Оно включает в себя элементы системно-структурного подхода, но за основу в нем берется речевая система, которая создается на пересечении трех основных осей: идеологии автора, воплощаемой в дискурсе (Этос, Логос, Пафос), структуры его языковой личности (вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационный уровни) и реализуемого данной языковой личностью универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» (инвенция, диспозиция, элокуция). Таким образом, в центре внимания исследователей этого направления – Человек в единстве трех ипостасей: Человек думающий, Человек реализующий мысль в слове, Человек общающийся.

Лингвориторика, привлекая результаты исследований большого круга современных лингвистических дисциплин (прагмалингвистики, функционально-коммуникативной грамматики, психолингвистики, лингвopsихологии, лингвосинергетики, лингвосемиотики, «суггестивной» лингвистики и некоторых других направлений современного языкознания), изучает средства и способы речевого воздействия, т. е. объект, который в равной степени интересен и

современной риторике, и коммуникативной лингвистике (речеведению)².

Методологический потенциал исследований, ведущихся в этом направлении, оказывается весьма высоким, поскольку синтезирует потенциалы риторики и системно организованного языка. «При этом данные о синтетических лингвориторических структурах извлекаются из текста как имманентной структуры, рассматриваемой, с одной стороны, «в самой себе и для себя», с другой стороны – с сохранением в поле зрения двух языковых личностей – автора и читателя, медиатором духовного общения которых служит данный текст» [1, с. 9-10].

Ответив на вопрос о месте риторики в системе гуманитарного знания и ее дисциплинарной специфике, легче понять границы структурного определения предмета риторики.

2. Если прибегнуть к моделированию его структуры в логических категориях *всеобщее – общее – особенное – единичное*, то верхняя граница – уровень всеобщего (уровень максимальной абстракции) – это уровень, где риторика выступает как *alter ego* философии, как философская теория речевого бытия, речевого взаимодействия. Нижняя граница – уровень единичного (уровень максимальной конкретизации) – это уровень, где риторика предстает как специфическая область коммуникативной лингвисти-

ки (речеведения). Таким образом, гносеологическое измерение предмета риторики также «задается» двумя «параметрами» – философско-культурологическим и лингвистическим, и если первое – сфера идеальных коммуникативных смыслов, то второе – сфера их материальных реализаций.

3. Современная риторика (неориторика) – это научная дисциплина, синтезирующая достижения многих областей знания: лингвистических – в том, что касается оптимизации речевого взаимодействия (воздействия) на уровне языкового приема – текста – коммуникации; философских – в том, что касается оптимизации речевого взаимодействия (воздействия) на уровне содержательных идей, взглядов, концепций, позиций коммуникантов; культурологических – в том, что касается оптимизации взаимодействия (воздействия) на уровне риторического идеала, речемыслительной культуры, существующих в культуре данного этноса социально одобряемых типов речевого поведения, этикетных норм и т. д. Следовательно, структура риторики как дисциплины во многом обусловлена ее функционированием, ориентированным на оптимизацию взаимодействия (воздействия) коммуникантов в русле укорененной в социуме речемыслительной культуры.

Список использованной литературы:

1. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Ворожбитова; Краснодар. гос. ун-т. – Краснодар, 2000.
2. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО Модэк, 2001.
3. Марченко О.И. Риторика как феномен культуры: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / О.И. Марченко; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2000.
4. Мейзерский В.М. Философия и неориторика. – Киев: Лыбедь, 1991.
5. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово: учеб. пособие для уч-ся 10 – 11 кл. уч. заведений. – М.: Просвещение, 1996.
6. Кожина М.Н. Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики) / М. Н. Кожина // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2000.
7. Сиротинина О.Б. Риторика как составляющая системы наук об общении / О.Б. Сиротинина // Предмет риторики и проблемы ее преподавания: материалы 1-й всерос. конф. по риторике. – М., 1998.
8. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М., 1998.
9. Юнина Е.А. Современная риторика в философско-культурологическом измерении (проблема обоснования одного из вариантов современной риторики). – Пермь, 1998.
10. Хачатурова Н.Ю. Лингвориторические параметры российского эзотерического дискурса рубежа XX-XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Хачатурова; Краснодар. гос. ун-т. – Краснодар, 2004.

² Исследуя эзотерический дискурс в русле лингвориторической парадигмы, Н. Ю. Хачатурова [10] анализирует современные лингвистические дисциплины, ориентированные на изучение различных аспектов феномена речевого воздействия. Полностью разделяя точку зрения Н. Безменовой о том, что все они восходят корнями к прариторике, мы полагаем, что влияние последней сохраняется и по сей день. Мы разделяем и ту точку зрения, согласно которой риторический ренессанс второй половины XX века был одной из главных причин замены системно-языковой парадигмы лингвистики на парадигму коммуникативно-ориентированного языкознания. Но процессы, инициированные риторикой в языкознании, с неизбежностью оказали и продолжают оказывать влияние на нее самое.